

Лидия Полякова

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ДОМОВОЙ

Оля лежала в своей кровати, закутавшись до самого носа. Руки, спрятанные под одеялом, крепко держали фонарик. Время от времени Оля щелкала им в нетерпении и следила, виден ли свет из-под одеяла. Очень хотелось дочитать книгу, которую она вчера тайком стащила у брата и читала полночи, пока веки не стали слипаться. Утром она долго искала укромное местечко, чтобы спрятать книжку. Теперь эта драгоценность лежала под подушкой, и Оля не могла дождаться, когда наконец-то уляжется спать Толя — ее старший брат. Он не привык укладываться рано и теперь вертелся в своем неудобном ложе из двух составленных вместе плетеных кресел с мягкими подушками вместо матраца. Легкие кресла иногда разъезжались, и Толя проваливался. Оле было смешно жалко брата. Она несколько раз попыталась уговорить его поменяться с ней местами, но упрямый брат заявил, что неудобства воспитывают характер. Когда он в очередной раз провалился между креслами и зло прорычал «тьфу ты», Оля уже не смогла удержаться. Уткнувшись в подушку и закрывшись одеялом, чтобы ее не было слышно, она захохотала так, что брат не выдержал,

подскочил к ней, шлепнул подушкой по спине и прошипел:

— Хватит хрюкать, малышню разбудишь!

Но шум уже, видимо, услышали в соседней комнате, и в коридоре раздались легкие мамины шаги. Толик в два прыжка сиганул в свои кресла. Мама чуть-чуть приоткрыла дверь и тихонько спросила:

— Олюшка, Толя, вы спите?

— Мы уже спим, мамуля, — шепотом ответила Оля.

— Умнички.

Мама закрыла дверь. Было слышно, как она прикрыла и вторую дверь, в кухню, голоса там стали глуше.

— Если ты еще раз ответишь, — не выдержал Толя, — я подойду и дам тебе в лоб!

Оля возмутилась:

— Что же я молчать должна? Это невежливо, некультурно.

— Уже третий раз спрашивают: «Вы спите?» А ты, как из детского сада, отвечаешь: «Мы спим!» Если ты спишь, почему отвечаешь? Когда спят, то молчат! Поняла, деревня?

— Сам оттуда, — сразу же среагировала Ольга. — Толя был старше всего на два года, но всегда пытался учить сестренку, и это ей не очень нравилось.

— Деревня простаков, проулок чудаков, там живет наш Толька — король ду... ра...

Оля не осмелилась договорить обидное слово, а брат решил сделать вид, что не понял.

— Фу, как неудобно спать в этих креслах, — попытался он перевести разговор.

— Ничего, одну ночь потерпишь.

Теперь уже Оля не жалела брата — «деревня» обиделась.

— Им там в моей комнате удобно, — продолжал попытку к примирению Толя. — Слушай, точно на одну ночь?

— Точно, — буркнула Оля, усевшись в кровати. — Я слышала, она маме на кухне рассказывала, что дом древний-древнющий. Все жильцы из своих квартир повыезжали. Дом ужасно скрипит, а по ночам кто-то ходит.

Брат никак не отреагировал на эти страсти, и Оля, широко открыв глаза, еле слышно спросила:

— А вдруг это привидения?

Толя помолчал немного и, не понижая голоса, уверенно заявил:

— Привидения в наше время не существуют.

Оля терпеть не могла, когда ей не верили.

— А кто тогда там ходит по ночам? — не унималась она. — А еще тетя Таня говорит, что слышала голос, как будто кто-то сам с собою разговаривает. Она дверь открывает — нет никого!

Она другую открывает — опять никого...

— Может, это радио у кого-то не выключено?!

— Вовсе нет! — продолжала убеждать Оля. — Она говорит, голос старческий, как будто кто-то бурчит себе под нос.

— Значит, это она сама себе бурчит под нос, или ее малыши шуточки опять устраивают. У нее Андрюшка такие фокусы выкидывает, не скажешь, что ему всего шесть лет.

Толя попытался аккуратненько лечь на бок лицом к сестренке — его заинтересовал зажатый в ее руке предмет. А Оля так увлеклась разговором, что не заметила, как стала размахивать фонариком.

— Да? Андрюшка сам струсил! Тетя Таня говорит, что к нам пришла ночевать, потому что дети боятся. Тут что-то не то! Как в книге «Тайны старого дома».

И тут Оля поняла, что проговорилась, и заметила, что брат смотрит на ее руки. Уличный фонарь, светивший по ночам в окно ее комнаты, сегодня безжалостно выдал Олю. Она быстро сунула свой маленький фонарик под подушку, сделала вид, что взбивает ее, пригладила ладошкой наволочку и улеглась на подушку, обняв ее руками с двух сторон.

— Ага, — тихо сказал брат, — попалась? А говорила, что не брала мою книжку. А ну, давай

сюда!

— У меня ее нет! — Оля сильнее прижалась щекой к подушке.

— Спорим, найду! — Толя уже не сомневался о месте нахождения пропавшей книги. — Как найду, дам шишку в лоб!

Оля сунула руки под подушку и ухватилась за книгу. Она понимала, что брат старше ее и сильнее, но сдаваться не хотелось. Он про эту книгу три дня не вспоминал, а теперь, когда она взяла ее читать, ему, видите ли, тоже срочно захотелось!

Толя подскочил, и кресла, не выдержав, разъехались. Хорошо, что Оля не видела, в каком положении застрял он между креслами, иначе опять бы стала смеяться. Но шум услышала мама. Дверь приоткрылась, и раздался ее шепот:

— Олюшка, Толя, вы спите?

Толя замер вверх ногами. Он боялся, что мама войдет и увидит его кордебалет. Тогда она точно предложит ему спать с Андрюшкой. Спасибочки! Андрюшка во сне разговаривает и за ночь двадцать раз меняет на кровати положение «ноги-голова». И именно тогда, когда малыш спал с Толиком, тот впервые понял, что «звезды из глаз посыпались» — это не образное выражение, а звездная натура. Андрюха во сне так звезданул ему своей башкой по лицу, что Толя минут пять спросонок махал перед собой руками, пытаясь поймать разноцветные

звезды перед носом. А уж нос на второй день был как у клоуна — большой и красный.

Толя замер и не дышал, пока мама ждала ответ. Наконец, дверь тихонечко прикрылась, и ребята услышали, как мама прошептала, видимо, тете Тане:

— Молчат, значит, спят. Ну, слава Богу, угомонились.

Толя разрешил себе полностью сползти под кресла и прошептал:

— Проверка закончена.

— Это не меня проверяют, а тебя, — подняла голову Оля. — Потому что ты, мама говорит, человек непредсказуемый. А- фе- рист! — по слогам произнесла девочка непонятное для нее слово.

— Не ври, она сказала «авантюрист», — хохотнул брат. — Это совсем разные вещи. И не вешай мне лапшу на уши — книгу давай!

— Не брала!

Толя подошел к кровати сестры, легко выхватил книгу из-под подушки, забрал фонарик и щелкнул сестру по лбу. Не больно, но обидно!

— Жадина! Жадина-говядина, соленый огурец, на полу валяется, никто его не ест! — с обидой прошептала Ольга.

— Помолчи, болтало!

— Сам ты это слово!

Толя поправил кресла, уселся и включил фонарик. Этого Оля уже выдержать не могла: ее замечательная идея с фонариком тоже ушла к брату!

— Не буду молчать! Назло не буду!

Оля покопалась в памяти, стараясь найти что-нибудь обидное, но в голове вертелась только дразнилка:

— Как у Тольки на носу ели свиньи колбасу. Ели, ели три недели, ели, ели, не доели!

Брат совершенно не реагировал, листая книгу. Оля решила не сдаваться:

— Толя-дроля карапуз съел у бабушки арбуз. Бабушка ругается, Толя отпирается: «Это, бабушка, не я! Это рыжая свинья!»

Не зная, как досадить брату, она повторила дразнилку еще раз. А когда завелась в третий раз, он перебил ее:

— Вот, нашел! Слушай! «В свои последние часы жизни дом прощается с хозяевами. Он все знает о своих жильцах, а они все знают о нем. Но если дом хранит тайну, он становится беспокойным: скрипит паркетом, стучит ставнями, шелестит обоями. А как еще он может привлечь хозяев к себе? Прислушайтесь к дому, подарите ему внимание, и он откроет вам все свои тайны»...

Брат замолчал, задумчиво глядя в сторону окна.

— Ух, ты! — прошептала восхищенно Оля. — Я еще это не читала. Слушай, — она уселась в кровати, по-турецки поджав ноги, — а может, и тети Тани дом хранит тайну?

— Конечно. Он же старый.

— А давай завтра сходим и поищем эту самую тайну!

— Все самое тайное всегда случается ночью, это во-первых. А во-вторых...

Брат перелистнул страничку книги и умолк.

— Ну? — не выдержала Оля.

— Дом завтра уже развалят.

— А ты откуда знаешь? — спросила Оля в нетерпении.

— В окно выгляни. Там уже баба приехала.

— Какая баба?

Оля тут же представила себе толстую бабу с кошелкой и почему-то обязательно с козой. Она соскользнула с кровати и на цыпочках подбежала к окну. Весь двор, освещенный одним ярким фонарем, был как на ладони. И никакой бабы с козой не было!

— Я никого там не вижу!

Толя тоже подошел к окну и ткнул пальцем:

— Вон там видишь кран?

Оля присмотрелась и молча кивнула.

— А у него на цепи висит большущий шар. Это и есть баба, — объяснил Толя сестренке. —

Сегодня этой бабой по стене били-били, а толку никакого. Стекла кое-где повывлетали, а стены стоят! Крепкий, видно, дом!

Оля представила, как огромный железный шар бил по стене, и ужаснулась.

— Жалко... — прошептала она.

Брат не понял, но поспешил успокоить:

— Говорят, здесь построят детскую площадку, карусели там всякие...

Оля вздохнула:

— Все равно жалко. Дом похож на старого великана. Мне кажется, что он живой и ему больно.

Вот теперь Толя понял, о чем она жалеет, и напрямую спросил:

— Ну, тогда пойдём?

— Куда? — опешила Оля.

— Узнавать тайну дома.

Оля в недоумении уставилась на брата. Ну и шуточки у него! Больше делать нечего, как сейчас, в темноте по чужому дому шастать!

— Аферист!

— Авантюрист, — поправил брат.

Оля, молча, подошла к кровати, поправила сбившееся одеяло и, нырнув в постель, отвернулась к стене.

— Идешь? — услышала Оля шепот в ухо. — А то пойду сам.

Он подошел к двери, выглянул, прислушался.

Кажется, все спят.

— И никакой романтики... — недовольно прошептал он.

Сердце Оли сначала подпрыгнуло, а потом замерло при воспоминании о предыдущей романтике брата. Мама тогда обещала устроить им романтику вокруг дома под свист ремня. Не стоит испытывать мамино терпение!

— Нет, так неинтересно, — оглянулся брат. — Давай через окно. Боишься?

— Вот еще! Не боюсь, а просто не хочу! — Оля кому угодно призналась бы, что боится, только не брату. — Зачем прыгать со второго этажа, если можно спокойно выйти через дверь.

— Ага. И попасть кому-нибудь на глаза.

Толя противным голосом пропел ей в ухо:

— Мне приспичило погулять в двенадцать ночи, бессонница замучила...

— Не полезу!

— Я и не прошу!

Брат опустил на корточки перед кроватью и потянул на себя ящик, в котором хранились старые, но самые любимые игрушки. Он покопался во всех четырех углах большого ящика и вытащил веревочную лестницу. Когда-то они вдвоем смастерили ее и приспособили на даче для лазания по деревьям. Толик был Тарзаном. Оля хотела быть прекрасной индианкой, но брат заявил, что роль

обезьянки ей больше подходит. Ольга обиделась и играть отказалась, а Тарзану в одиночестве не прыгалось и не кричалось на деревьях. Привезенная с дачи веревка больше года провалялась в ящике, ожидая своего звездного часа, и, кажется, сейчас он наступил.

Толя привязал веревку к трубе отопительной батарее под окном и повернулся к сестре. Оля демонстративно молчала.

— И потом ни о чем не спрашивай! — предупредил Толик сестру.

Он подергал веревку, проверяя ее прочность, и сделал последнюю попытку уговорить сестренку:

— Пять минут туда, пять минут обратно, десять минут на поиски — всего страхов-то на двадцать минут. Идешь?

Оля отрицательно покачала головой.

— Пока! Привет трусливым! — он все-таки не выдержал и поддразнил сестренку, прежде чем исчез за окном.

— Сам ты это слово! — не желая оставаться в долгу, вслед ему громким шепотом ответила Оля.

Она сидела на кровати, прислушивалась к сопению и пыхтению брата и уже жалела, что не согласилась пойти с ним. Подойдя к окну, она, крадучись, глянула вниз. Толя болтался на веревке у окна на первом этаже.

— О! Соседи не спят. Чем это они

занимаются?

Он поднял голову и посмотрел, выглянет ли сестра? Оля схватила тапочек и швырнула, стараясь попасть в брата.

Ой! — услышала она и, высунувшись в окно, прошипела: «А ты не заглядывай в чужие окна!»

Она подхватила второй тапок и швырнула туда же.

— Ой! — раздалось снова. — Не буду, я пошутил. Соседи спят давно.

Толя спрыгнул на землю и подергал веревку.

— Слушай, — тихо сказал он выглянувшей сестренке, — раз тапочки здесь, может, и ты спустишься?

— И чего я тебя всегда слушаю? — вздохнула Оля. — От тебя только одни неприятности!

Она бурчала, но остановиться уже не могла: тайна дома была сильнее всех будущих неприятностей. Неуклюже развернувшись на четвереньках на подоконнике, она нащупала ногами веревку, стала на ее толстый узел, ухватилась за веревку мертвой хваткой и начала спускаться, стараясь бурчанием затолкать свой страх поглубже.

— Ну влетит же нам! Точно знаю, что влетит! Аферист, правильно мама говорит, аферист ты.

Она спустилась до последнего узла и облегченно вздохнула.

— Тапочки подай!

Брат подхватил ее и поставил на тапочки:
— Привет, авантюристка! Пойдем?

Войти в старый дом не составило особого труда: входная дверь не была закрыта. Пол в коридоре действительно скрипел на все лады, ничуть не страшно, даже певуче. А вот двери в квартиры были заперты, но одна из них, как показалось ребятам, была чуть приоткрыта, и из-под нее виднелась полоса слабого света. Не сговариваясь, ребята рванули к двери, стараясь опередить друг друга. Но перед самым носом дверь неожиданно щелкнула и закрылась. Оля толкнула ее, потом навалилась сильнее, повернулась спиной и приложила силу своего мягкого места, помогая еще и ударами пяткой. Толя, молча, отодвинул сестренку и заглянул в замочную скважину, вернее в то, что от нее осталось: предусмотрительные хозяева, видно, очень любили свой замок и, съезжая, не захотели с ним расставаться. Теперь в эту дырку можно было заглянуть и рассмотреть находящуюся за дверью комнату. Ничего интересного! Она пуста, на полу разбросаны бумажки и что-то еще непонятное. В углу, вроде бы, стоит тумбочка, а на стене, кажется, что-то висит — то ли картина, то ли портрет — видно плохо.

Оля не выдержала молчания брата и, оттиснув

его от двери, приникла сама к отверстию.

— Ничего не вижу. Нет там никого.

— Открывай дверь, — тут же предложил Толя. — Сильней толкай... да не шуми ты! — одернул он сестренку.

— Сам толкай и не шуми! Она, наверное, заперта.

— Не заперта, — Толя шлепнул ладонью по дырке в двери, — замка нет. Может, гвоздями заколотили? А зачем? А ну, навались!

Толя недоумевал. Неужели ему показалось, что дверь была приоткрыта?

— Стучать семнадцать раз ногой и сорок восемь головой, — фыркнула в ухо сестренка, наблюдая за его стараниями.

После сильных ударов всеми частями тела по двери Толя усомнился в том, что видел полосу света. Он присел и попытался провести рукой под дверью. Щели не было!

— Що це було? — спросил он бабушкиной поговоркой. — Мабуть, НЛЮ.

Толя встал, посмотрел на сестру, и они, не сговариваясь, навалились на эту упрямую дверь. То ли силы были на стороне ребят, то ли двери надоело сопротивляться, но она вдруг очень легко и бесшумно отворилась, а ребята по инерции влетели так, как будто кто-то дал им пинок под зад. С грохотом они растянулись почти посреди комнаты.

— Ничего себе, как мы тихо вошли, — пошутила Оля, — прямо шепотом.

— Ага, — согласился брат, — полгорода разбудили, это точно. Ты не ушиблась? — спросил он, услышав, как Оля вздохнула.

— Коленку разбила. Включи свет, я посмотрю.

— А где здесь выключатель? — посмотрел брат по сторонам.

— Возле двери, наверное, предположила Оля, закатывая штанину пижамы и пытаясь в сумраке рассмотреть коленку.

Но тут очень слабо зажглась лампа на потолке. Ребята заморожено смотрели на нее, пока она не стала светить так, что вполне можно было рассмотреть все в комнате.

— Лампочка сама зажглась! — еле шевеля губами, выдохнула девочка.

— Тихо, без паники. Здесь, наверное, кто-то есть. Ау! — позвал брат. — Есть кто дома?

— Ау...есть дома... — приглушенно ответил кто-то, и свет погас.

Толя встал, подошел к двери напротив и попытался ее открыть. Оказалось, что все двери в этой комнате были заперты.

— Глянь, лампа качается, — отвлекла брата Оля. — Ой, не нравится мне все это!

— Ну что ты, это от эха, — постарался

успокоить сестренку Толя. — Знаешь, как бывает в горах? Крикнешь, а с гор лавина срывается. Сила звука!

— Мы же не в горах...

Толя подошел к сестренке и присел рядом.

— Коленку разбила, как начинающая альпинистка.

— Сам ты это слово, — обиделась Ольга. Ей больно, а ему все шуточки!

Толя подул на разбитое колено сестры, стараясь в темноте рассмотреть ее ушиб. Но тут лампа перестала раскачиваться и начала мигать тускло и противно, до боли в глазах.

— Щелкни выключателем, — попросила Оля, — может, лампочка нормально будет светить.

Вдруг лампа зажглась очень ярко и тут же погасла. После такой игры света Оля сначала ничего не видела, хотя и пыталась рассмотреть все, широко открывая глаза. Первое, что она начала различать, это уродливые, жуткие тени на стене. Казалось, что в углу над тумбочкой медленно выросло чудовище, угрожающе махая не то крыльями, не то перепончатыми лапами.

— Ой, там в углу что-то шевелится, — медленно прошептала Оля, не сводя глаз с тумбочки. — Ай, — завизжала она, подскочив, — здесь, кажется, крысы, кто-то пробежал...

Она отступила назад и, натолкнувшись на

брата, цепко ухватила его за рукав пижамы.

— Смотри, по стене кто-то ползет!

Медленно, с жутким скрипом отворилась дверка тумбочки, выплыли из нее и повисли в воздухе два крошечных зеленых огонька. Они качнулись вправо, влево, потом поднялись выше.

«Волчьи глаза», — подумала Оля и, судорожно задержав рукав брата, закричала:

— Включай скорее свет, мне страшно!

Толя подошел к входной двери и стал водить рукой по стене в поисках выключателя.

— Ну! — в нетерпении крикнула Оля.

— Не кричи, — отозвался брат, — выключатель не могу найти.

И тут почти над ухом раздался старческий голос:

— Можешь не искать, его там нет!

— Ой! — еще больше испугалась Оля, — кто это?

— Кто здесь? — спросил Толя, и Оля почувствовала, что брат тоже напуган.

— Я, хозяин дома.

Медленно зажглась лампа, освещая ребят, уставившихся в угол, где только что на стене уродливо извивались тени.

На тумбочке сидело лохматое существо неопределенного рода-племени в серой рубашке. Покачивая босыми ногами, оно время от времени

отталкивало закрывающуюся и противно скрипящую дверцу тумбочки.

— Не мало ли вас, не надо ли нас? — скрипуче пропело существо.

Ребята молчали, рассматривая это «непонятно что». Существо шмыгнуло носом и тут же спросило вполне нормальным задорным голоском:

— И чего это вы тут раскомандовались?

— Здравствуйте, ой... — смутилась Оля, — ...добрый вечер!

— Спокойной ночи! — намекнул незнакомец.

— Да, то есть нет... — Оля уже пришла в себя. — А вы кто? Сторож?

— И сторож тоже.

— Что-то я вас раньше здесь не видел, — вмешался в разговор Толя.

— А меня здесь никто не видел, — существо повисило голос, — ни раньше, ни позже.

— А-а! — осмелела Оля. — Я поняла, вы — бомж!

— Здравсьте, Настя, с чего ты взяла?

— Ну... — смутилась девочка, — одежда у вас... не очень... в общем, не модная...

— Классическая, — выделил голосом человечек и пригладил на груди свою рубашку. — Все домовые так одеваются.

Толя даже опешил от такой наглости. За кого их принимают? За малышей? Ну, уж нет!

— Знаете, не надо нам тут сказки рассказывать, — категорично заявил он. — Нет домовых, они не существуют.

Услышав это, незнакомец соскользнул с тумбочки, плавно и бесшумно приблизился к ребятам, и оказалось, что он им «в пупок дышит».

— Ну, нет, так нет, — сказал маленький человечек. — Раз я не существую...

Он посмотрел сердито, и его серые глаза позеленели от злости, потом стали желтые, как у кошки.

Толя почувствовал легкий холодок между лопатками — так неприятен был этот взгляд. Коротышка поднял голову и дунул на лампу — свет погас.

— Ой, — вскрикнула Оля, — свет включите, дяденька!

Какое-то мгновение, пока глаза привыкали, ничего не было видно.

— Мой дом, хочу — включаю свет, хочу — выключаю. Гость хозяину не указчик, — зло пробурчал коротышка где-то в стороне.

— Пойдем отсюда, — взял сестру за руку Толя. — Этот бомж, по-моему, псих.

— Для дорогого гостя и ворота настежь, — проскрипело ехидно из угла, и дверь тотчас же открылась. Но едва ребята шагнули к ней, она захлопнулась с такой силой, что зазвенели стекла

окон. Толя дернул несколько раз ручку, пнул со злостью дверь и крикнул:

— Эй, дверь откройте!

— Мой дом, хочу — открываю дверь, хочу — закрываю, — ехидничал человечек в своем углу, и по стене снова поползли пугающие тени.

— Ничего, — стараясь говорить спокойно, сказал брат и взял девочку за руку, — мы не гордые, выйдем и через окно.

— Да, — храбро поддержала сестренка, — умение уже есть. Мы со второго этажа спускались, а с первого — пара пустяков, — и она потянула брата к окну.

Толя протянул руку к раме, но ставни, размахнувшись, захлопнули полуоткрытое окно, едва не прищемив ему пальцы.

— Эй ты, фокусник! — рассердился Толя не на шутку. — Ты мне чуть пальцы не отдал! Ненормальный, что ли?

Теперь старинные ставни не пропускали ни одного лучика света, и комната потонула в темноте жуткой и устрашающей. Толя испугался, но не за себя, а за сестренку. Он всегда помнил, что она панически боится темноты и замкнутого пространства. По ночам ночничок в ее спальне выключали только тогда, когда во дворе загорался вечерний фонарь, ярко освещающий ее комнату. Толя взял сестру за руку, легко и успокаивающе

сжал холодные, чуть дрожащие пальчики. Олюшка молчала, хотя ей казалось, что сердце от страха стучит очень громко.

— Мой дом, хочу — открываю окна, хочу — закрываю, — продолжал бурчать недовольно скрипучий голос. — Вас сюда никто не звал. Я и двери все запер без замков, чтобы никто не вошел, и пугать вас пытался, а вы все равно нагло лезли сюда...

Бурчание прекратилось, и над тумбочкой опять повисли два огонька. Желто-зеленые, как у разъяренной кошки. Они качнулись и поплыли навстречу ребятам.

— А теперь мне пошутить хочется... — конец фразы прозвучал весело и детским голоском. — Вы выходите, попробуйте, а я посмотрю и посмеюсь. А то что-то скучновато у меня стало... Спишь, спишь, а отдохнуть некогда! — и вслед за этим раздался многоголосый хохот. Казалось, что в комнате находятся несколько этих маленьких человечков разного возраста — смех перекатывался от старческого, скрипучего и кашляющего, до звонкого, молодого и задорного.

— Ну-ка, ну-ка, — смеясь, дразнил он, — и вашим, и нашим за копейку спляшем!

— Ах ты, малявка, — не выдержал Толя, — ну, держись! Я тебя сейчас найду, все уши пообрываю!

— Мал золотник, да дорог, — среагировал нахаленок. — Малявка — это ты про себя? А мне недавно сто пятьдесят исполнилось, до совершеннолетия всего каких-то пятьдесят лет только и осталось. Так что тебе до меня расти и расти. А насчет поискать — попробуй! Раз, два, три, четыре, пять, начинай меня искать, — самодовольно хохотнул над самым ухом Толи человек.

В азарте Толя широко развел руки, чуть присел и, прыгая из стороны в сторону, двинулся к тумбочке, где, по его мнению, должен был находиться этот маленький нахаленок. Быстро ощутив тряпки, лежащие на тумбочке, Толик провел рукой за тумбочкой и внутри ее и вновь бросился на поиски малявки в комнате, делая обманные прыжки в разные стороны. Несколько раз он натыкался на Олю, стоящую посреди комнаты и упорно молчащую. Все двери комнаты по-прежнему были закрыты — Толя не забыл это проверить во время своих скачек. С толку сбивали появившиеся звуки: скрип дверей, шепот, шарканье шагов, шелест ветра, а может, разбросанных на полу бумаг...

— Дяденька, миленький, выпустите нас, пожалуйста, — раздался удивительно спокойный голос Оли. На мгновение тускло зажглась лампа, и Толя увидел сестренку с прижатыми к груди

кулачками и сильно зажмуренными глазами.

— О-о-о! — раздалось над ухом девочки, и в сумраке над ее плечом появились два желтых огонька. — Доброе слово и кошке приятно...

Толя в два прыжка оказался рядом с сестрой, пытаясь схватить наглеца, но руки успели почувствовать только легкий ветерок.

— Но это мой дом, хочу — впускаю, хочу — выпускаю. В своем дому, что хочу — ворочу, — тихо прошелестело рядом.

И Толя не выдержал:

— Ладно, сдаюсь! Твой дом, ты — хозяин, ты — домовый.

— О! — откликнулся с радостью маленький хозяин. — Надулся, как мышь на крупу! На сердитых воду возят, а на дутых кирпичи!

Он помолчал немного, ожидая ответа мальчика, и добавил:

— Верно говорят: веселого нрава не купишь.

Ярко зажглась лампа. Толя, сощурившись от света, увидел в углу на тумбочке горделиво восседающего на куче тряпья и хитро улыбающегося домового.

— Ну, пошутил я! — еще больше расплылся тот в улыбке.

— Не долго тебе шутить осталось, сказал Толя, успокаивающе поглаживая по плечу сестренку, которая все так же стояла с закрытыми

глазами. — Завтра этот дом развалят.

— Дом не развалят, пока я не выполню свою главную задачу, — сразу стал серьезным человек, — и пока я не покину его.

Олюшка вздохнула, опустила руки и открыла глаза.

— Дяденька, миленький, выпустите нас, пожалуйста, вдруг мы здесь погибнем... под развалинами... Никто не знает, что мы здесь, — тихо попросила Оля.

— Голова б не думала, ноги б не пошли, — откликнулся домовой. — Погибнут они!

Он покачался на своей тумбочке, раздумывая над словами девочки, хлопнул маленькими ручонками по коленям и возмущенно спросил:

— И зачем мне еще одна тайна дома?

— Что вы сказали? — спросила Оля, не веря своим ушам. Все предыдущие страхи сразу же выскочили из ее головы, а душа замерла в ожидании сказки. — У дома есть тайна? Толя! Я тебе что говорила?

— Это я тебе говорил, — возразил брат и с сомнением посмотрел на человечка. — Это правда?

«Надо с этим незнакомцем держать ушки на макушке. Может, это какой-нибудь преступник здесь прячется? Или воришка? А чтоб мы не догадались, показывает тут фокусы всякие, как в цирке» — рассуждал Толя.

— Правда, что у дома есть тайна? — переспросил он еще раз.

— А чем мой дом хуже других? — обиделся коротышка. — У каждого дома есть своя тайна.

— А вы можете открыть нам эту тайну? — шепотом спросила Оля. — Мы, вообще-то, за этим и пришли.

— Как! — воскликнул человек и подпрыгнул на своей тумбочке. — Вы пришли узнать тайну дома? Ну, наконец-то!

Он вихрем сорвался со своего места и стал бегать, подпрыгивая, вокруг ребят.

— Ух, ты! А то я тут уже завял, засох и чуть не сдох в самом расцвете сил!

Чувствуя заинтересованность девочки, он остановился напротив нее:

— Скукота полнейшая: помогать некому, мешать некому, пугать некого, шутить не с кем.

Он крутанулся на одном месте, подпрыгнул высоко и, очутившись перед Толей, сказал жалобно:

— И уйти не могу! Если я не передам кому-нибудь из людей тайну дома, то не имею права перебраться в новый дом и должен всю свою жизнь скитаться без приюта. А у меня вся жизнь впереди... если я, конечно, сегодня перехитрю кое-кого. Я еще совсем молодой, чтобы...

Тут он резко остановил себя и очень